

Анатолий Колосов

Вор в загоне: не по понятиям

Анатолий Колосов

Вор в загоне: не по понятиям

«Автор»

2026

Колосов А.

Вор в загоне: не по понятиям / А. Колосов — «Автор», 2026

Столичный психолог, который верит в силу эмпатии и когнитивно-поведенческих техник, случайно становится «личным психотерапевтом» криминального авторитета из провинции — и теперь должен спасти не только отношения с невестой, но и собственную жизнь.

© Колосов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Знакомство и первый конфликт	5
Глава 2. Тайная проблема босса	7
Глава 3. Первая «сессия» в гараже	9
Глава 4. Конфликт с конкурентами	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Анатолий Колосов

Вор в загоне: не по понятиям

Глава 1. Знакомство и первый конфликт

Антон смотрел на табло вылета и пытался убедить себя, что всё будет нормально. «Знакомство с родителями — это просто этап, — повторял он мысленно, как будто это была когнитивная установка. — Этап, который можно пройти, если не принимать всё на свой счёт и не пытаться понравиться любой ценой».

Полина стояла рядом, держала его за руку и улыбалась так, будто они летят не в Усть-Байкальск, а на курорт.

— Ты волнуешься? — спросила она.

— Немного, — честно ответил Антон. — Но я работаю с тревогой каждый день. Просто теперь это моя собственная тревога.

Она рассмеялась и поцеловала его в щёку.

— Папа — человек прямой. Если ты будешь собой, он это оценит.

Антон кивнул, хотя внутри всё сжималось. «Прямой» в его представлении могло означать что угодно, от «не любит пустые разговоры» до «не терпит возражений».

В самолёте он пытался читать статью про тревожные расстройства, но буквы расплывались. Полина спала, уткнувшись ему в плечо, и это было единственным, что его успокаивало.

Когда они приземлились, на выходе их ждал не таксист, а чёрный внедорожник с тонированными стёклами. Из него вышел высокий мужчина в кожаной куртке и с таким лицом, будто он не встречал дочь, а проверял, всё ли в порядке с грузом.

— Пап, — Полина выскользнула вперёд и обняла его. — Это Антон.

Михаил Петрович кивнул, не улыбаясь. Его взгляд прошёлся по Антону, как рентген.

— Психолог, — произнёс он, будто это было не звание, а диагноз.

— Да, — Антон постарался говорить спокойно. — Работаю с тревожными состояниями, помогаю людям находить более эффективные стратегии поведения.

Михаил Петрович хмыкнул и пошёл к машине.

— Стратегии, — повторил он. — У нас тут стратегии простые: если шторм — не выходи в море. Если враг — будь готов. Остальное — лирика.

Антон переглянулся с Полиной, и она едва заметно пожала плечами: «Привыкай».

По дороге в город Михаил Петрович почти не говорил, только время от времени бросал короткие фразы водителю и смотрел в окно, будто высматривал что-то на горизонте. Антон пытался придумать нейтральную тему для разговора — про Байкал, про рыбалку, про погоду — но каждый раз останавливал себя: «Не пытайся понравиться. Пытайся быть полезным».

Когда они приехали к дому, Антон заметил, что ворота высокие, с камерами, а во дворе стоит ещё один внедорожник, рядом с которым курит крепкий мужчина в кепке. «Костя», — шепнула Полина.

Внутри дом выглядел как компромисс между «богато» и «по-старинному»: массивная мебель, ковры, фотографии в рамках, на стене — выцветший календарь с пейзажем Байкала, который, кажется, висел там лет десять.

За ужином разговор не клеился. Вика, мама Полины, наливала себе чай и смотрела куда-то сквозь стол. Полина пыталась рассказывать про Москву, про работу, про планы, но голос её звучал слишком бодро, будто она боялась тишины.

И тут у Михаила Петровича дрогнула рука, когда он потянулся за стаканом. Он резко опустил её и сжал кулак.

— Что-то не так? — тихо спросил Антон, не глядя прямо на него. — Если есть напряжение, лучше его назвать. Это снижает общий уровень стресса.

Михаил Петрович поднял на него тяжёлый взгляд.

— Ты мне тут не лечи, — сказал он спокойно, но в этом спокойствии было что-то пугающее. — Я не больной. У меня просто... день тяжёлый.

Полина замерла. Костя, который стоял в дверях, чуть наклонил голову, будто прислушивался к чему-то.

— Я не ставлю диагнозы, — спокойно ответил Антон. — Просто замечаю, что тело иногда реагирует раньше, чем мы понимаем, в чём дело. И это нормально.

Михаил Петрович встал, отодвинув стул с резким скрипом.

— Нормально, — повторил он, глядя куда-то поверх Антона. — Нормально — это когда ты знаешь, кто враг, а кто друг. А когда ты не знаешь — вот это ненормально.

Он вышел из комнаты, и в воздухе повисла тишина, которую никто не решался нарушить.

Костя подошёл к столу, посмотрел на Антона и сказал:

— Он сегодня три раза выходил на улицу просто подышать. Раньше такого не было. Если ты и правда можешь помочь — помоги. Но не говори ему, что он больной. Для него это хуже пули.

Антон кивнул. Он понял: здесь психология — не про диагнозы. Здесь она — про выживание.

Глава 2. Тайная проблема босса

Антон проснулся рано, когда дом ещё спал, и вышел во двор. Воздух был сырой, пах мокрым деревом и Байкалом — озеро казалось тяжёлым, будто оно само хранило напряжение этого места. Он стоял у калитки, делал привычные дыхательные упражнения и думал, что здесь тревога ощущается физически: в скрипе старых досок, в редких шагах охранника, в тишине, которая давит сильнее любого шума.

В этот момент дверь гаража приоткрылась, и оттуда вышел Михаил Петрович. Он был в старой куртке, без шапки, с таким видом, будто собирался не по делам, а просто сбежать от чего-то. За ним тенью скользнул Костя.

— Чего не спишь? — буркнул Михаил Петрович, не глядя на Антона. — Рано тут не принято шуметь.

— Я не шумел, — спокойно ответил Антон. — Просто вышел подышать.

Михаил Петрович хмыкнул, но в этом звуке было не презрение, а усталость. Он подошёл к старому пикапу, открыл дверь, потом резко захлопнул её, будто она ему чем-то не угодила, и отошёл к стене гаража. Прислонился к ней, опустил голову и несколько раз глубоко втянул воздух, как человек, который пытается унять что-то внутри.

Костя сделал шаг вперёд, будто хотел что-то сказать, но остановился и только коротко глянул на Антона: «Видишь?»

Антон не стал лезть с вопросами. Вместо этого он подошёл к пикапу, будто его интересовала машина, и сказал буднично:

— Хорошая штука. Тяжёлая, устойчивая. На таких по берегу ездить — самое то.

Михаил Петрович поднял голову, посмотрел на машину, будто впервые её увидел, и процедил:

— Да... Тяжёлая. Держит дорогу.

И снова замер, стискивая кулаки.

Антон понял, что сейчас нельзя говорить про «стресс» или «тревогу». Нельзя даже произносить слово «паника». Поэтому он выбрал другой язык — язык силы и контроля.

— Иногда бывает, что тело будто не слушается, — сказал он, по-прежнему глядя на пикап. — Как будто руль тяжёлый, хотя ты знаешь, что он нормальный. И ты давишь сильнее, а он всё равно не слушается. Это не про слабость, это про сбой. Как у машины, когда электроника глючит.

Михаил Петрович резко повернул голову. В его взгляде была злость, но не на Антона — на себя.

— У меня нет сбоев, — отрезал он. — У меня есть дела. И они не ждут.

Он шагнул к машине, снова распахнул дверь, но не сел, а застыл на пороге, вцепившись в край двери так, что побелели костяшки.

— Просто... — он запнулся, и это было самое страшное: Михаил Петрович никогда не запинаясь. — Просто иногда... как будто стены ближе становятся. И воздух... не такой.

Он замолчал, будто сам испугался этих слов, и резко добавил:

— Не надо мне тут диагнозы ставить. Я не больной.

— И не ставлю, — тихо сказал Антон. — Если хочешь, можем вообще про другое. Про рыбалку, про Байкал, про то, какой мотор лучше. Или просто помолчать.

Михаил Петрович медленно разжал пальцы, отпустил дверь и посмотрел на Антона так, будто впервые увидел в нём не психолога, а человека, который не собирается его судить.

— Знаешь, что хуже всего? — вдруг произнёс он, глядя куда-то поверх Антона, на тёмную гладь озера. — Хуже всего, когда ты всю жизнь решал проблемы силой. Когда знал, кто враг, а кто друг. А теперь... теперь ты стоишь посреди своего дома, среди своих людей, и чув-

ствуешь, что не можешь вдохнуть. И никто не виноват. Никто не пришёл с ножом. Просто... воздух кончился.

Костя стоял чуть позади и смотрел на босса так, будто боялся, что тот сейчас сломается. Но Михаил Петрович не сломался. Он выпрямился, одёрнул куртку и сказал уже привычным жёстким тоном:

— Ладно. Хватит. Поехали. Есть одно дело.

Антон кивнул. Он не стал говорить «всё будет хорошо» — здесь такие слова звучали бы как насмешка. Вместо этого он просто пошёл к машине, давая Михаилу Петровичу понять: он рядом, но не давит.

По дороге Костя сидел впереди, молчал, а Михаил Петрович то и дело поглядывал в зеркало заднего вида, будто проверял, не преследует ли их что-то. Антон сидел сзади и не делал записей, не задавал вопросов. Он просто наблюдал и ждал момента, когда можно будет предложить не лечение, а инструмент: способ вернуть себе ощущение контроля.

Когда они остановились у старого причала, Михаил Петрович первым вышел из машины и сразу пошёл к воде, будто хотел смыть с себя это состояние. Он стоял на краю, смотрел на волны и сжимал кулаки.

Антон подошёл, но не вплотную — оставил дистанцию.

— Если когда-нибудь захочешь просто выговориться, без терминов и умных слов, — сказал он. — Я здесь. Или, если не хочешь говорить, могу просто сидеть рядом и считать волны. Это тоже помогает.

Михаил Петрович не ответил сразу. Он долго смотрел на воду, потом тихо произнёс:

— Я не хочу, чтобы люди думали, что я слабею.

— Они не подумают, — спокойно сказал Антон. — Потому что ты не слабеешь. Ты учишься справляться по-новому. Это тоже сила.

Михаил Петрович коротко кивнул, будто принимая эти слова не как утешение, а как факт. И впервые за всё время посмотрел на Антона без настороженности.

— Ладно, — буркнул он. — Пошли. Дела не ждут.

Но Антон заметил, как он перед тем, как пойти, сделал ещё один глубокий вдох — и на этот раз он был не попыткой унять панику, а намеренным действием. Как будто он впервые позволил себе признать: да, мне сейчас тяжело. Но я справлюсь.

Глава 3. Первая «сессия» в гараже

Гараж у Михаила Петровича был не просто местом для машин — это была его крепость: бетон, металл, запах масла и старого бензина, вдоль стены — верстак с инструментами, на крюках — цепи, будто декорации к какому-то суровому фильму. Сейчас тут было тихо, только где-то капала вода, и этот звук казался слишком громким.

Михаил Петрович ходил вдоль пикапа, как зверь по клетке: шаг вперёд, шаг назад, снова вперёд. Он не смотрел ни на Антона, ни на Костю, будто делал вид, что вообще не ради этого сюда пришёл.

— Тут надо кое-что подкрутить, — буркнул он, дёргая крышку капота, хотя капот был закрыт намертво. — А то на берегу подвеска не держит.

Костя стоял у двери, прислонившись плечом к косяку. Его поза выглядела расслабленной, но глаза сканировали каждый угол.

— Никто не войдёт, — коротко сказал он, будто прочитал мысли Антона. — Я тут. Если кто сунется — услышу.

Антон кивнул. Он не хотел, чтобы это выглядело как официальная терапия. Никаких блокнотов, никаких «давайте разберём ваши чувства». Только разговор у машины, как будто два человека обсуждают, как лучше держать руль на плохой дороге.

— Знаешь, — начал Антон, не глядя прямо на Михаила Петровича, а будто рассуждая сам с собой, — когда долго держишь напряжение, тело привыкает к нему, как к норме. И потом, когда надо просто постоять спокойно, оно уже не умеет. Как будто ты всё время давишь на педаль тормоза, даже когда стоишь на месте.

Михаил Петрович замер на полшаге, потом резко наклонился к колесу, будто его очень интересовал протектор.

— Я не напряжённый, — сказал он глухо. — Просто дел много.

— Верю, — спокойно ответил Антон. — Дела сами по себе могут быть тяжёлыми. Но иногда тяжесть ещё и внутри висит, отдельно от дел. И её можно немного сбросить, не теряя контроля.

Он сделал паузу, давая этим словам осесть. Потом продолжил:

— Есть простой приём, который вообще ни на что не претендует. Называется «заземление». Смысл не в том, чтобы «успокоиться любой ценой», а в том, чтобы вернуть себе ощущение, что ты здесь и ты управляешь ситуацией. Не про слабость, а про управление.

Михаил Петрович выпрямился, посмотрел на него исподлобья.

— И что, надо глаза закрывать и дышать, как йог?

— Не обязательно, — Антон чуть улыбнулся. — Можно даже наоборот: открыть глаза и замечать детали. Например, прямо сейчас: назови три вещи, которые ты видишь. Только обычные, без пафоса.

Михаил Петрович фыркнул, но в этом фыркание уже не было злости — скорее раздражение на самого себя за то, что вообще стоит тут и слушает.

— Окно, — буркнул он. — Цепь. Гаечный ключ.

— Хорошо, — кивнул Антон. — Теперь две вещи, которые можешь потрогать.

Михаил Петрович молча положил ладонь на капот. Металл был холодным, шершавым от старой краски.

— Капот, — произнёс он. — И... — он нащупал на поясе брелок, сжал его в пальцах. — Брелок.

— Отлично, — сказал Антон. — Одна вещь, которую слышишь.

На этот раз пауза была короткой.

— Вода капает, — почти спокойно ответил Михаил Петрович. — Где-то в углу.

Антон чуть наклонил голову, соглашаясь.

— Вот и всё, — сказал он. — Ты просто назвал несколько фактов. Но в этот момент мозг переключается с «всё рушится» на «я вижу, я чувствую, я слышу». Это не отменяет проблем, но возвращает тебе рычаг управления. Ты снова в кабине, а не летишь мимо.

Михаил Петрович медленно разжал пальцы, выпуская брелок. Он всё ещё не хотел признать, что это работает, но уже не отрицал, что ему стало чуть легче дышать.

— Ладно, — проворчал он. — Допустим. Но если кто узнает, что я тут «три вещи называл», я скажу, что мы подвеску проверяли.

Костя, стоявший у двери, едва заметно усмехнулся, но тут же снова стал серьёзным.

— Никто, — коротко подтвердил он. — Я дверь держу.

Антон сделал ещё один спокойный шаг назад, увеличивая дистанцию, чтобы не давить.

— Ещё один простой вариант, если вдруг снова станет тяжело, — сказал он, уже не как психолог, а как человек, который даёт практический совет. — Называй про себя числа, но не подряд, а с шагом. Например, 100, 95, 90... Это тоже отвлекает мозг от паники и возвращает ощущение контроля. Как будто ты ведёшь расчёт, а не просто ждёшь, что случится.

Михаил Петрович хмыкнул.

— Считать? — переспросил он. — Ну да. Это по-нашему. Расчёт. Контроль. Не сопли.

— Именно, — спокойно согласился Антон. — Никакой лирики. Просто инструмент. Как домкрат: не стыдно им пользоваться, если машина села.

В этот момент снаружи хлопнула калитка, и все трое замерли. Костя мгновенно выпрямился, рука скользнула к поясу. Но через секунду донёсся голос охранника:

— Костян, тут рыбаки у причала... хотят поговорить.

Костя бросил короткий взгляд на Михаила Петровича. Тот на секунду прикрыл глаза, будто собирал себя, а потом кивнул:

— Пусть подождут пять минут. Скажи, что сейчас подойду.

Когда Костя вышел и прикрыл дверь, Михаил Петрович остался стоять посреди гаража, уже не ходя кругами. Он посмотрел на Антона не враждебно, а почти с любопытством.

— Ты это... не говори никому про эти штуки, ладно? — произнёс он, и в его голосе не было угрозы, только просьба. — Пусть думают, что я просто старый, но крепкий.

— Договорились, — спокойно сказал Антон. — Инструменты — это личное. Кто-то носит с собой нож, кто-то — счёт в уме. Главное, чтобы работало.

Михаил Петрович снова одёрнул куртку, привычным жестом вернул себе броню, но теперь в этом жесте было чуть меньше напряжения.

— Пошли, — бросил он уже своим обычным тоном. — Рыбаки не любят ждать. А я не люблю, когда начинают без меня решать.

Они вышли из гаража. Солнце стояло низко, отражалось в лужах, и воздух, который ещё час назад казался тяжёлым, теперь пах просто мокрым деревом и Байкалом. Антон шёл чуть позади, не навязываясь, и думал, что сегодня он не «вылечил» никого. Он просто дал человеку ещё один способ удержаться на ногах, не теряя лица.

Глава 4. Конфликт с конкурентами

Рыбаки у причала оказались не простыми рыбаками. Это были люди Игоря Семёновича — старого соперника Михаила Петровича. Ещё с девяностых между ними тянулась вялотекущая вражда: то спор за квоты, то передел причалов, то «кто первый встал, тот и прав» в шторм. Сейчас это снова вспыхнуло — и не из-за рыбы, а из-за нового пирса, который мог стать точкой силы на берегу.

Когда Михаил Петрович и Антон подошли, Костя уже стоял между двумя группами, как живая граница. С одной стороны — трое крепких парней в куртках с поднятыми воротниками, с другой — двое своих, напряжённых, будто пружины. Воздух пах мокрым деревом, солью и адреналином.

Игорь Семёнович вышел вперёд, не торопясь, как человек, который уверен: сейчас всё пойдёт по его сценарию. На лице у него была эта особенная полуулыбка — вежливая, но с металлом внутри.

— Михаил Петрович, — произнёс он, будто пробуя имя на вкус. — Давно не виделись. Думал, ты уже на пенсии.

Михаил Петрович не ответил сразу. Он не стал ни злиться, ни оправдываться. Просто смотрел, оценивал, как в старые времена, когда одним взглядом можно было сказать больше, чем сотней слов. Но Антон видел, как у него чуть дрогнул уголок рта — не от злости, а от того самого внутреннего напряжения, которое подкатывало, как волна.

— Чего надо, Игорь? — голос Михаила Петровича звучал ровно, но в нём была сталь. — Если про пирс, то мы тут не торгуемся.

— А я и не предлагаю торг, — спокойно ответил Игорь. — Я предлагаю справедливость. Ты строишь, ты и платишь. А если не платишь, значит, мешаешь людям работать.

Костя сделал полшага вперёд, но Михаил Петрович едва заметно качнул головой: «Стой».

Антон не вмешивался. Он знал, что сейчас любое слово «со стороны» будет воспринято как слабость. Но краем глаза он заметил, как Михаил Петрович незаметно сжал и разжал кулак — и понял, что напряжение уже подбирается к критической точке.

В этот момент Антон вспомнил про «инструмент», о котором они говорили в гараже. Не про терапию, не про диагнозы — про контроль. Про то, что можно держаться за цифры, как за поручень.

Он чуть наклонился к Косте и тихо, чтобы слышал только он:

— Скажи ему про счёт. Про шаг. Пусть просто считает про себя. Это не вмешательство, это страховка.

Костя на секунду задержал взгляд, будто взвешивал, стоит ли вообще слушать психолога, потом коротко кивнул и повернулся к боссу:

— Михалыч, тут не надо горячиться. Давай просто посчитаем варианты. Сотня, девяносто пять, девяносто... чтобы понять, где мы теряем.

Михаил Петрович резко глянул на него, будто хотел сказать: «Ты что несёшь?» — но в этом взгляде уже не было ярости, а была растерянность: он вдруг понял, что Костя пытается его удержать. И не как слабого, а как главного, которому сейчас нельзя сорваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.